

★ ★ ★ ДАНИЛ ★ ★ ★

КОРЕЦКИМ

**ПРИНЦИП
КАРАТЕ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К66

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Оформление серии — *Анастасия Орлова*

Корецкий, Данил Аркадьевич.

К66 Принцип карате : [роман] / Данил Корецкий. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 448 с. — (Шпионы и все остальные. Данил Корецкий).

ISBN 978-5-17-179793-5

Убийство есть убийство, независимо от того, совершено оно разящим ударом карате или молниеносным выпадом кортика. Секреты восточных единоборств, красивая жизнь «золотой молодежи», фальсификация вин и чувств, кортики, штыки и другие виды холодного оружия смешиваются в сложном клубке, распутываемом инспектором уголовного розыска Крыловым и следователем прокуратуры Зайцевым.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-179793-5 © Корецкий Д.А., 1988
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ПРИНЦИП КАРАТЕ

Цель атаки в карате — вывести противника из боя по возможности одним ударом. К этой цели ведут следующие средства:

удары наносятся с максимально достигаемой скоростью;

удары нацелены в жизненно важные центры противника;

каждый должен наноситься с мыслью, что это единственный шанс одолеть противника, чтобы в удар была вложена вся энергия и сила.

*Р. Хаберзетзер (3-й дан).
Путеводитель Марабу по карате*

*Посвящается
сыну Аркадию,
обладателю 2-го дана по карате*

Прембула

На пустыре между школой и филармонией — традиционном месте всех толковищ, и больших и малых, Гарандин бил Колпакова. По принятым в микрорайоне меркам происходящее не относилось даже к малым — обыденный эпизод уличной жизни. Один выступал не по делу, другой за это с него получает.

Так и было. Гарандин подошел в шумной толчее последней перемены, глядя в сторону, сказал:

— Я с тебя имею.

И удалился скольльзящим боксерским шагом.

Теперь он получал. Вначале удары были несильными, простой обряд унижения, потерпи — тем дело и кончится, даже следов на физиономии не останется. Но Генка, проявив крайнюю глупость, дал сдачи, зеваки оживились, сидящий в стороне на штабеле досок Бычок настороженно дернул круглой стриженной башкой с проплешинами то ли лишаев, то ли шрамов. А Алька вошел в азарт и замолотил всюю: расквасил Генке нос, губы, подбил глаз, и по животу навешал, и в солнечное...

Грош ему цена, хоть и боксер, вон сколько кирпичей, палок под ногами, драл бы без оглядки до самого дома, если бы не щербатый ублюдок с металлическими — взамен выбитых — зубами, веселящийся в полную меру своего недалекого разума:

— Лупи, братан, насмерть, га-га-га! Ложи, ложи в нокаут! Вот так, молоток!

Генка упал сам: отступая, зацепился за камень, но Гарандин торжественно поднял руки, отмечая чистую победу!

— Пусть знает, как выступать! — Бычок спрыгнул на землю. — Дай пару рваных, надо обмыть это дело.

Зеваки потянулись вслед за братьями, толковище опустело быстро, как после заурядного спектакля. Только для одного человека происходящее оказалось не рядовым житейским фактом, а чрезвычайным событием. Генка был самолюбив. Его никогда не били. Впервые он испытал чувство унижения. Первый раз в жизни он струсил. Это угнетало больше всего.

К счастью, матери дома не оказалось. Петуховым он тоже не попался на глаза, хотя долго обмывал холодной водой распухшее лицо.

Из ванной проскользнул в комнату, лег, накрылся с головой одеялом. Детская привычка. Но в его возрасте уже не удается так легко спрятаться от неприятностей и печалей реального мира.

На душе тяжело. А что особенного случилось? Все уже в прошлом. Забыть, сделать вид, что ничего не произошло, обмануть самого себя. Девять мальчишек из десяти так бы и поступили, тем самым закрепив на подсознательном уровне рефлекс труса. Генка совершенно точно знал, что этот путь ему не подходит.

Воображение услужливо рисовало сладкие картины мести, но он их прогонял, не желая уподобляться беспомощным слабакам, находящим утешение в собственных фантазиях.

Попробовал думать о приятном: синие сумерки, плещущая вокруг черная вода, рыжий костер, стреляющий искрами, когда он палкой выгребал обугленные рассыпчатые картофелины, темный силуэт Лены на фоне желтой палатки...

— Ты знал, что Саша не вернется?

— Откуда? Сказал: возьму ребят и обратно. Может, с лодкой что?

— Знал. Просто ты украл меня по-настоящему.. Не ожидала. То-то Алик взбесится.

«При чем здесь он?» — хотел спросить Генка. В последнее время Гарандин начал кадрить Лену, а поговаривали, что он водится с девчонками не просто так. Генка путался под ногами, мешал и сегодня, в походе, Гарандин прямо предупредил, чтобы он отвалил, иначе пожалеет. Генка не ответил, зная, что через час в условленное место подойдет на лодке Зимин, и

они своей компанией отправятся на Зеленый остров и Лена будет с ними. Но почему она вспоминает этого хлыща?

— Пусть бесится, наплевать!

— Не ожидала...

В голосе Лены слышались странные, непонятные ему интонации. Она вообще была другой — за два месяца, что они встречались, он не знал ее такой, хотя вряд ли смог бы объяснить, в чем состоит перемена. И позже, в палатке, спасающей от ветра и комаров, вдруг наступил миг, когда ему показалось, что она ждет от него опытности, которой он не имел и которой она, конечно же, тоже не могла ожидать. Он убедил себя, что ошибся, пауза длилась вечность, и она спросила:

— Ну что, будем спать?

Тогда вопрос показался обычным, а сейчас вдруг приобрел скрытый оттенок, и все неясности и странности поведения Лены добавили горечи в его нынешнее состояние.

Яркая объемная картина приятных воспоминаний поблекла, стала плоской. Было холодно, дым костра выедал глаза, и эти комары... А у Саши испортился мотор. Как бы Гарандин и с ним не учинил расправу...

Отвлечься не удалось, и заснул Генка с черными мыслями.

В школу он не пошел, ставил холодные компрессы и примочки из бодяги, скрывая от самого себя, ждал Лену: слухи обязательно разнесутся, и она вполне может зайти проведать.

Но пришли только Сашка с Николаем.

— К врачу не ходил? Этот гусь хвастает, что послал тебя в нокаут. Надо проверить, нет ли сотрясения мозга...

— Все нормально.

Генка испытывал неловкость за свою разрисованную физиономию. И за что-то еще.

— Может, втроем его? Да и Бычка заодно?

— Не выйдет. Бычок всю шпану приведет под школу.

— Да-а...

— Ты смотри, в четверг контрольная по физике. Анна Павловна говорит — решающая.

— Куда я с такой мордой?

— Наплюй! Скоро экзамены.

— Ты бы наплевал?

— Да-а-а...

Натянутость не проходила.

— Ленка знает? — через силу спросил Генка.

— Уж наверно. Этот гусь от нее не отходит. Он какой-то новый поход затевает, на два дня. Возьму, говорит, только избранных.

— Вот гад, что придумал! — Обычно сдержанный Николай сжал кулаки. — Из двоек не вылезит, а туда же — «избранных»!

— Много званых, да мало избранных, — блеснул начитанный Саша.

— И Ленка тоже... Она жила в старом доме возле сквера, в детдоме своего двора не было, нас туда гулять водили. Выйдет на балкон, расфуженная, с бантами, ест шоколадные конфеты, мы таких и не видели, иногда бросает вниз по одной. Только бросает не просто так, надо кружком ходить, руки перед грудью, будто собачки на задних лапах хоровод водят. Многие дети ходили, дрались из-за этих конфет, а она хочет, в ладоши хлопает.

Тося-дворничиха раз увидела, она с войны контуженая, мы думали, злая, нас не любит, а тут схватила камень, как пустит им в окно... Мамаша у нее этакая барыня, а тут выскочила и в крик по-базарному, да куда ей с Тосей тягаться.

— Ты это к чему?

— Да к тому. Она уже тогда себя выше других ставила. И сейчас с этим ничтожеством спелась. Так что не о чем тебе переживать. И не о ком.

Слово было сказано. Неудачливого мальчика Гену пожалели и успокоили. И так может быть в жизни не раз и не два. Если...

Надо было думать, как жить дальше.

Через несколько дней Генка отправился к Рогову, Рогов был знаменит. Еще стояла возле ДФК щегольская «Волга» с серебряными перчаточками на зеркальце за лобовым стеклом, еще терпеливо дожидалась мужа у входа красавица Стелла, еще охотились за автографами поклонники и поклонницы, еще не истрепались спортивные костюмы с гербом и надписью «СССР».

Со стороны казалось, что чемпион на вершине, что поражение — досадная случайность, что впереди снова бесконеч-

ная череда побед. Но сам Рогов знал, что это не так, чувствовал, что сделал первый шаг с ринга, хотя и не подозревал, как далеко придется идти. И глаза у него были тусклыми и печальными.

— Что, тезка, обиделся? — Рогов жестко взял Генку за подбородок, крутнул вправо-влево, усмехнулся невесело.— И ты хочешь выучиться драться, чтобы их проучить?

Чемпион не признавал скоропалительных, принятых под влиянием ситуации решений и никогда не брал к себе обиженных и жаждущих мести. Но с Генкой они десять лет прожили в одной квартире, это меняло дело.

— Давай, попробуй... Если охота не пройдет. И если получится.

Через месяц Рогов оставил Генку после тренировки.

— Ты почему в лицо не бьешь первым? Не знаешь? Сказать? Ждешь, пока тебя ударят, чтобы озлился! Значит, характера не хватает. А без характера какой бокс?

Когда-то, в пору жизни в коммуналке, Рогов считал Генку младшим братом и сейчас вовсе не хотел его обидеть.

— Я тебя не гоню — ходи, занимайся, я просто объяснить хочу... Ты думаешь, в бою сколько раундов? Три? Неправильно! Это только на виду три. А перед ними — сто или триста. И после них столько же. Ты со своей мягкотелостью еще в предварительных проиграешь. Потому что все будут знать твою слабость и будут использовать ее как тактический прием! В боксе, да и не только, в любом противоборстве жалости быть не должно! Кто злей, кто сильнее — тот впереди.

Генка молчал. Рогов, наверное, был прав, но его правота не убеждала. И чемпион почувствовал неприятие своих слов.

— Знаешь, почему я проиграл первенство мира? Не поскользнулся, нет, это объяснение для журналистов. И не перетренировался до потери формы — это для спортивного начальства. Просто мне за все предыдущие годы так набили голову, что иногда нарушается координация, в глазах плывет... Вот она, правда, но ее только Литинский знает. Потому я и ушел из сборной...

Рогов подошел к снарядам.

— А тебе рассказал, чтобы на всю жизнь запомнил — не жди, пока ударят. Молоти первым!

Он лениво ткнул мешок и рефлекторно добавил еще левой.

В пустом зале гулко разнесся хлесткий шлепок знаменитого, некогда победного удара.

— А не можешь — бросай вообще это дело. Оно тебе и ни к чему. В шахматы играешь, учишься отлично, на олимпиадах грамоты берешь... Зачем лезть под кулаки?

Рогов обнял Генку за плечи, улыбнулся.

— А случ чего — беги ко мне, не дам в обиду!

Стелла сидела в машине, лучезарно улыбаясь. Рядом толклись любопытные.

— Идет, идет...

— Рог еще себя покажет!

— Многих забодает...

— Когда снова в сборную?

— Можно автограф?

Чемпион снисходительно улыбался, расписывался в подставленных блокнотах, вскидывал в приветствии мощную руку. Спокойный и уверенный, как всегда, он ловко сел в машину, газанул так, что провернулись на асфальте колеса, заложил лихой вираж и скрылся за поворотом. Толпа восторженно смотрела вслед.

— Рог свое возьмет...

— Он тренируется тихо, без афиши...

— Рог, Рог, Рог..

И только он, Генка Колпаков, знал, что это остаточная инерция славы.

Домой он шел пешком, размышляя.

Рогов прав. Ему не нравилась прямолинейная грубость бокса, не нравились развинченные пацаны, сквернословящие и плюющие на пол в раздевалке, не очень-то скрывающие, что готовятся к уличным дракам. Бросить! И остаться беззащитным перед Гарандиным, Бычком и прочей швалью. Нет, черта с два!

В школе не ладилось. Казалось — все обсуждают его позор, смеются за спиной, тычут вслед пальцами. Нахватав четверок, по алгебре умудрился получить тройку. Лена ходила с Гарандиным, оскорбленный Генка делал вид, что ему все равно. Да и что здесь изменишь?

С тренировками тоже дела не шли на лад. Бить в лицо научиться не мог, сам получал удары, проигрывал, с обреченностью отчаявшегося продолжал заниматься.

Вмешался случай. За нарушение режима Литинский выгнал Гарандина из своей секции, а Рогов взял к себе. В зале стало тесно. Ненавистный соперник насмешливо рассматривал Генку, подавал ядовитые реплики. Генке казалось, что тот видит его насквозь. Он пропустил одну тренировку, вторую, потом две сразу, а потом и вовсе забросил перчатки на шкаф.

Говорят, случайность есть проявление закономерности. Через пару недель кто-то из дворовых ребят бросил камешек в окно.

— Петька Котов приехал, айда змею смотреть!

Кроме чучела кобры, у Петьки было два копья, лук со стрелами, ритуальные маски красного и черного дерева. Но для Генки встреча с Кетовым оказалась знаменательной совсем не этим. Другим.

Но на это ушли годы.

Глава первая

1

— **З**начит, все дела в принципе?

В тоне Гончарова угадывалась усмешка, сопутствующая обычно их спорам на эту тему, но Колпаков, как всегда, не обратил на нее внимания.

— И последовательно. Ежедневная и ежечасная работа. Крохотные, микроскопические, незаметные сдвиги в сознании, мироощущении...

— Ты серьезен, как проповедник.

Усмешка стала явной.

— Потому что понял серьезность дела. И надеюсь со временем убедить тебя.

— Вряд ли...

— Посмотрим. А пока одолжи тестер, мой бараклит.

Колпаков вернулся к стенду и занялся схемой. В индивидуальном плане, который он составлял на неделю вперед и старательно выполнял пункт за пунктом, сегодня значились окончательная доводка и регулировка. Но работа не ладилась, полдня ушло впустую. Значит, следует увеличить скорость и внимательность, спрессовать время, чтобы уложиться в график.

— Пойдем обедать?

— Нет, я потом.

Отчего не идет наложение сигнала? Не иначе, где-то просмотренный «хомут». Но где? Схема прозванивалась десятки раз... Вход — норма. И здесь нормально. А отсюда — фон. Возвращаемся по усилительному каскаду... В нем ничего быть не может — сам монтировал, сам проверял... Но все же посмотреть надо... И здесь... Вот! Черт поberi! Нашел? Точно.

Дымящееся жало паяльника проникло в переплетение монтажных жгутов, прижалось к матовому зернышку пайки, припой расплавился, и Колпаков узким клювиком пинцета оторвал тоненький проводок. Поставим его куда положено... Фон исчез. Что и требовалось... Теперь посмотрим выходной блок...

Закончив со схемой. Колпаков взглянул на часы. Все шло по плану. И замечательно, что нацеленный на конкретную задачу мозг не отвлекался на посторонние мысли. Молодец, Генка!

О том, что Лена в городе, он узнал только вчера. Зимин позвонил насчет распространения билетов и попутно сообщил, что видел ее на улице. Саша ждал реакции на новость, но Колпаков промолчал — в тот момент он сам не знал, как поступит. Решение оформилось к концу дня, и после работы Колпаков отправился напрямик к ней, удовлетворенно отметив, что раньше не отважился бы на это.

Громадный, на весь квартал, когда-то уважаемый и престижный дом здорово обветшал. И мать Лены, некогда эффектная крашеная блондинка, заметно сдала: располнела, обрюзгла, только апломб остался прежним — как в те времена, когда все звали ее Барыней.

— Милый, передайте Софье Зенитовне, что это типичное не то,— небрежно кивнув в ответ на приветствие, царственно произнесла она.— Зайдите в прихожую, я отдам обе коробки. Почему вы без сумки?

Колпаков, вежливо улыбаясь, не перебивал.

— Как вы их собираетесь нести? — В голосе появилось раздражение.— Что вы стоите как столб?

— Лена дома?

— Ах, Лена... Я немного ошиблась.

Она внимательно осмотрела Колпакова, и вряд ли он ей понравился.

— ...Скоро придет, можете подождать. Во дворе.

Дверь захлопнулась.

Вот курица, а какое самомнение! Ведь она всерьез рассказывала соседкам о блестящей карьере дочери в столице: многочисленные поклонники, сделавший предложение иностранный дипломат, предстоящее распределение в Минвнешторг, квартира в столице, интеллектуально-богемное окружение — ученые, писатели, артисты, в перспективе — работа за границей...

Такие же клуши, как она, ахали и восхищались. Трезвые люди представляли, что желающих жениться дипломатов гораздо меньше, чем студенток в московских вузах, и что едва ли молодого экономиста ждет столь сказочная жизнь, однако вряд ли кто-либо смог бы переубедить Барыню, если бы даже взялся за столь заведомо неблагодарное дело.

Теперь Лена вернулась, прекраснодушные мечты этой дурехи разбиты в прах, и она наверняка отыгрывается на дочери. Жаль девчонку.

В подъезд прошел парень с огромной тощей сумкой, когда он выходил, сумка раздулась во весь объем.

— Софье Зенитовне привет! — крикнул Колпаков.

Парень нервно оглянулся, недоуменно кивнул и ускорил шаг.

А во двор входила Лена...

— Послушай, мыслитель, на собрание опоздаешь! — В лабораторию заглянул Гончаров.— Не получается со схемой?

— У меня все должно получиться.

— Ах да, я забыл...— снова насмешливый тон.— Хомут?
Колпаков кивнул.

— Надолго собрание?

— Думаю, что нет. Попереливают из пустого в порожнее.
Иван Фомич непотопляем!

— Вот как?

У Колпакова мелькнула шальная мысль. А почему бы и нет?

Он снял халат, повесил на складную вешалку, вернувшись, расправил складку и вслед за Гончаровым направился в актовый зал. Действительно, почему бы не разворочить муравейник?

Собрание закончилось через два часа. Разгоряченные сотрудники не успокаивались и в вестибюле.

— Шенок, набрался наглости!

— Не побоялся авторитета, принципиальный.

— Откуда он узнал про водопровод для матери?

— Клевета! Эти студенты уже от Ивана Фомича не зависели. Помогли от чистого сердца, из уважения...

— Все правильно, молодец! Или правда глаза колет?

Точно, муравейник!

Колпаков был почти спокоен, пульс не превышал восьмидесяти. Дело сделано, что говорилось вокруг, не имело никакого практического значения, простое сотрясение воздуха, на которое не стоит обращать внимания. Ему предстояла сегодня еще одна задача, ее тоже следовало решить с блеском.

Он нетерпеливо посмотрел на часы и подавил неразумное желание рассеять толпу, как глиссер рассекает мелкие волны. И все же опаздывать он не любил и, выйдя на улицу, два квартала до автобуса мчался бегом, легкими наклонами корпуса избегая столкновений с ошарашенными прохожими. Навстречу в синих вспышках пронеслась «скорая» — Колпаков не обратил на нее внимание.

К месту встречи он успел минута в минуту, но Лены не было, как и уверенности в том, что она вообще придет. Так всегда случается, когда пользуешься одолжениями. Но недостижимых целей нет.

Вдали мелькнул знакомый красный сарафан. Колпаков недовольно отметил, что пульс зачастил, и, направляясь навстречу девушке, поспешил привести его к норме.

— Привет.

Поздоровавшись, он не выпустил узкую кисть, а одним движением взял девушку под руку. И тут же пожалел, получилось слишком развязно. Хотя с технической стороны выполнено безукоризненно.

— Однако! — Лена убрала руку.— За эти семь лет ты основательно поднабрался самоуверенности.

— Нет. Просто уверенности.

— Полезное качество. Если не переходит границ.

Сказано вроде в шутку, но довольно прохладно. И вообще...

Колпаков на миг пожалел, что с напористостью атакующего танка сломил противодействие Лены и склонил ее к сегодняшней встрече.

Лена вовсе не выглядела неудачницей, скорей наоборот. Держалась с подчеркнутым достоинством. Говорила свысока и несколько иронично.

Мужчины откровенно рассматривали ее, оборачивались вслед. Она поправила лямку сарафана, и Колпаков подумал, что у нее красивые плечи. Даже в мертвенном свете ртутных фонарей не поблекли забранные в тугой узел тяжелые волосы медно-красного отлива.

— Где работаешь?

На красивом лице мелькнула гримаска.

— На ТЗБ... Ну, торгово-закупочная база. Отдел изучения спроса потребителей. Хотя чего там изучать: что есть, то и берут.

Колпаков вспомнил прожекты Барыни.

— А мать?

— Что мать?

Она осеклась, и Колпаков понял, что задел за живое. Не будет же девушка рассказывать каждому про глупость не имеющей диплома и болезненно переживающей этот факт Барыни, которая по-своему представляет блага высшего образования.

— Давай лучше сходим в кино.